

МИР

ПРИДУМАНО

В СССР

МИХАИЛ

ЗАДОРНОВ

Михаил Николаевич Задорнов

Придуманно в СССР

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17896009
Придуманно в СССР. – : Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06471-4

Аннотация

Перед вами новая книга Михаила Задорнова. Книга-воспоминание. О том, как мы жили в Советском Союзе... То есть о том, как наши родители жили в Советском Союзе. Или нет – о том, как ваши дедушки и бабушки жили в Советском Союзе. Кто-то вспоминает это время с благоговением, кто-то с ужасом. Михаил Задорнов – с улыбкой. А кто-то, стоя у доски, с напряжением думает, какая же настоящая фамилия Владимира Ильича Ленина... В первую очередь для них, для очень молодых, для тех, у кого ещё так мало воспоминаний, – эта книга. Книга о том, как непросто, но весело, смешно, интересно и задорно жили в Советском Союзе. И ещё. Вчитайтесь! Может быть, какие-то ситуации вам покажутся очень знакомыми, а проблемы – абсолютно современными. Казалось бы, уже другое государство, другой народ, а проблемы – всё те же?

Содержание

Глава первая	5
Счастливый человек	6
Страна героев	11
Работать хочется!	16
Нас это не касается	21
Дорогой звонок	23
Кого уволить?	26
Ставим галочку	29
Характеристика	32
Лапа	34
Серьёзное дело	38
Во имя канвы	43
Домик в тайге	46
Петля	49
Слава	50
Самоучитель для желающих написать современную пьесу	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Михаил Николаевич
Задорнов
Придуманно в СССР**

© Задорнов М. Н., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава первая

Здравствуй, страна героев!

Большую часть времени мы проводили на работе. Даже когда и делать-то там было особенно нечего...

Многие рассказы этой главы посвящены творческим профессиям. Это и понятно: публиковаться Михаил Задорнов начал в 1974 году, а в 1984–1985 годах заведовал отделом сатиры и юмора в журнале «Юность». Хотя вполне оправдана и правдоподобность рассказов, написанных от имени простого инженера: образование Михаил Задорнов получил в Московском авиационном институте и первые четыре года после окончания работал там же.

И тем не менее возмущение администратора универсама, сантехника, монологи воспитательницы в детском саду, командированного, вернувшегося из ФРГ, испытателя товаров народного потребления очень точны, равно как и описания таксистов, врачей, вахтёров, чиновников, директоров гостиниц и многих других.

Счастливым человеком

Я не понимаю, почему все вокруг жалуется, что они несчастные: судьба не так сложилась, не на той женился, не за того замуж вышла, не в ту за границу послали, дача дорого обошлась, видеомэгнитофон не той марки, на книжке всего шестьдесят тысяч на чёрный день припасено, а чёрный день всё не наступает и не наступает...

С кем ни разговоришься – проблемы, проблемы, проблемы. И все несчастные, несчастные, несчастные... А ведь это так легко – научиться быть счастливым. Надо просто приучить себя во всём видеть в жизни хорошее и радостное.

Вот, например, я...

Каждое утро, когда в час пик тороплюсь на работу, я думаю: как хорошо, что существует метро! Совсем в другой конец города оно доставляет меньше чем за полтора часа и всего с тремя пересадками.

После метро, когда я пытаюсь войти в переполненный автобус, я радуюсь! Да-да, именно радуюсь тому, насколько возросла дисциплина у трудящихся. С тех пор как повсюду запретили опоздания, автобусы стали выходить полными прямо из автобусного парка! После того как мне даже с разбега не удаётся сесть в автобус, я с портфелем в руке, радостно задыхаясь, пробегаю три квартала и думаю: «Как замечательно, что наш институт выстроили у самой Кольцевой

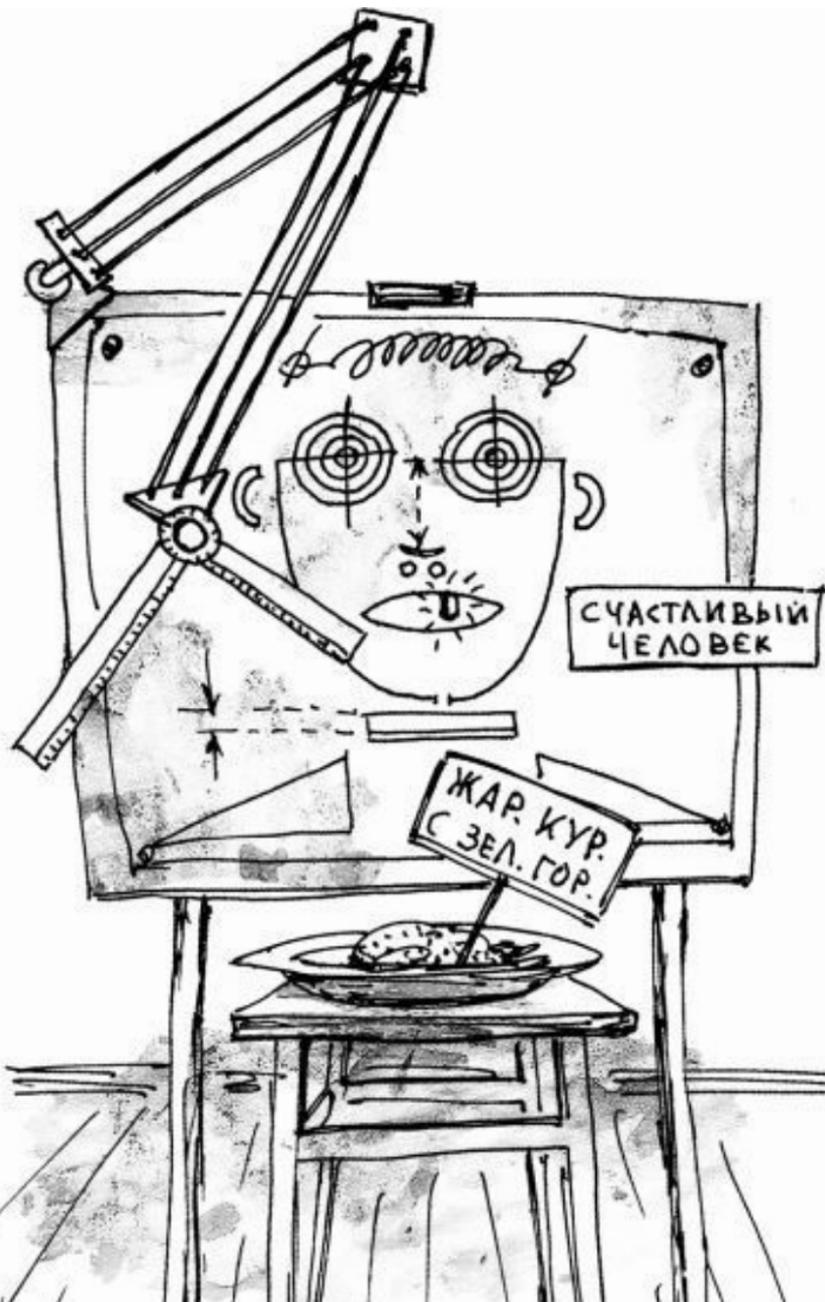
дороги, где загазованность воздуха не намного больше, чем полагается по норме, определённой медиками при изучении гибели кроликов, дышавших пылью нашего института...»

А когда я сижу за своей чертёжной доской в комнате, в которой мы проветриваем по условиям техники безопасности через каждые пятнадцать минут, я из последних сил восхищаюсь тем, что даже женщины в нашем дружном коллективе говорят друг другу только комплименты:

– Как вы хорошо выглядите после отпуска! Поправились! Как вам это всегда удаётся?!

– Ну что вы... Вот вам это зелёное платье действительно идёт! Зелёный цвет вообще очень гармонирует с цветом вашего лица!

– Нет, нет... Не говорите! По сравнению с вашим платьем всё меркнет. Я уже седьмой год каждый день люблюсь им!

СЧАСТЛИВЫЙ
ЧЕЛОВЕК

ЖАР. КУР.
С ЗЕЛ. ГОР.

Но особенно радостно от того, что мы все невыносимо любим нашу работу. Часами можем сидеть и смотреть, как она копится, копится, копится... А если кто-то и засыпает после обеда, так строго за своим рабочим столом с карандашом в руке и мыслью в широко открытых глазах. И не дольше, чем до конца рабочего дня. Ещё не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь проспал конец рабочего дня!

А главное, в нашем отделе всегда весело, слышатся шутки, смех... Особенно все веселятся, когда получают зарплату! Больше, чем зарплата, вызывает смех только та продукция, которую мы выпускаем.

Даже когда я ем в нашем институтском буфете, куда пускают только с высшим образованием и по секретному пропуску, я искренне благодарен судьбе, если успеваю взять своё любимое блюдо, которое ежедневно значится в меню под секретным названием «Жар. кур. с зел. гор. и слож. гар. из кар. пюр.».

А вечером... Вечером, когда я подхожу к двери любимой девушки и нажимаю два раза на звонок, чтобы не попасть к её соседям, я говорю себе: «Я высокий! Стройный! Красивый! И у меня нет золотого зуба!» И его у меня действительно нет. Он у меня стальной.

А когда она мне открывает, я счастливо люблю её небольшим ростом, неброской красотой и говорю себе: «Я и тебя научу быть счастливой!»

И мы вместе с ней идём в кино, где сидим рядом и держимся за руки, и оба думаем: «Какой замечательный фильм об Англии создали на Свердловской киностудии! Как похожи наши преуспевающие актёры на их вымирающих лордов. А новостройки развивающегося Таллина – на кварталы загнивающего Лондона».

Наконец я возвращаюсь домой, где восхищаюсь своей уютной комнатой, в которой на целый метр больше, чем полагается по норме на человека!

Перед сном, глядя до двух ночи на бегущие по потолку блики от шумных автомашин, с радостью думаю о том, что скоро мы поженимся. У нас будут дети! Много-много детей. И нам всем вместе в этой комнате будет ещё радостнее, чем мне одному!

И я счастливо засыпаю, понимая, что завтра повторится такой же счастливый день, как сегодня. И послезавтра... И после, и после... И всегда будет так же хорошо, потому что я счастливый человек!!!

Страна героев

Вы замечали, что швейцары в гостиницах безошибочно требуют визитные карточки только у наших? Даже если они одеты во всё не наше. Видимо, в глазах у наших есть что-то сугубо наше. Скорее всего, в них отражается состояние души человека, которого на каждом шагу ожидает «Запрещено», «Не положено!», «Переучёт», «Инвентаризация», «Извините, у нас санитарный час с девяти утра до одиннадцати вечера». Более того, только нашего человека в любой момент могут остановить, потребовать паспорт, прописку, сличить пол... Только у нас людей в аэропорту могут загонять в накопитель. Хорошо ещё не в отстойник.

Во всех странах газоны выращивают для людей. Устал – походи, полежи, отдохни, подыши. У нас вырастили газон – обязательно на нём написали: «По газонам не ходить». Что-то построили, тут же повесили объявление: «Не влезай – убьёт». Куда ни пойдёшь – всюду убьёт. И глядя на вахтёршу при входе, веришь – эта действительно убьёт.

Ни в одной стране мира нет такого количества вахтёров и бюро пропусков. Зачем, например, держать бюро пропусков при гостиницах? Жулик всё равно даёт три рубля и проходит. А честный человек идёт в бюро пропусков. Значит, бюро пропусков – это перепись честного населения? Но каждый работник в этом бюро пропусков, каждый вахтёр на вхо-

де уверен, что он выполняет государственный долг. Наводит в стране порядок. При этом в самых престижных гостиницах живут исключительно шулеры, рыночные торговцы, проститутки и безответственные работники. Ну, ещё творческая интеллигенция.

А попробует честный человек пригласить к себе в гостиницу девушку в гости, так ему любой вахтёр на входе очень строго накажет: «Имейте в виду, у нас с девушкой можно только до одиннадцати!» Интересно, кому пришла на ум мысль, что с девушкой можно только до одиннадцати? Это что, борьба за нравственность? До одиннадцати – нравственно, а две минуты двенадцатого безнравственно?

Н. В. Гоголь писал: «В России есть две беды: дороги и дураки». Вот такое завидное постоянство мы сохраняем по сей день. Вы замечали, что каждый вахтёр, сторожащий у нас бассейн, чувствует себя пограничником?

Вахтёр – это не должность. Это состояние души человека. Ему дали клочок власти, и он может кого-то куда-то пустить. Он счастлив от этого. Надо давать звания: заслуженный вахтёр Советского Союза! Народный вахтёр Советского Союза!

Вахтёрами могут быть и инструкторы горкомов, и генералы, и официанты, и домоуправы, и редакторы, и работники «Аэрофлота», и цензоры...

– Что вы написали?! «У нас в стране ещё много дураков!» Как вы смеете? Это нельзя! Вы разглашаете государственную тайну.

Инструкции – это порождение вахтёров.

Запреты – это их самовыражение.

«На садовых участках копать не глубже, строить не шире...»

«Сливной бачок, поставленный под другим углом, – несоциалистический сливной бачок».

«Работу предоставляем только по предъявлении справки о прописке, прописку предоставляем только по предъявлении справки о работе».

«Срочный разговор с Дальним Востоком заказывается за трое суток».

«Такси ждёт не более пятнадцати минут».

«За вещи, сданные в гардероб, гардероб ответственности не несёт».

«На курсы английского принимаем только тех, кто прошёл флюорографию».

«Один бутерброд – в одни руки».

«Премия не более...»

«Полставки по ходатайству...»

«За границу по анализам...»

«Спальный гарнитур предоставляется по предъявлении медицинской справки».

«Запись на импортную плиту каждый второй вторник третьего месяца ежегодно в пятом квартале».

«Сапоги по талонам. Талоны у генерального. Генеральный выдаёт по рекомендации профкома, если сдал ГТО».

«Ветчина только членам Союза кинематографистов».

«Волейбольные мячи в наборе с волейбольной сеткой».

«Подписка на журнал „Огонёк“ предоставляется в первую очередь тем, кто подпишется на еженедельник „Кролики и тушканчики Нечерноземной полосы России“».

«За пятнадцать лет работы на одном месте увеличить оклад на одиннадцать рублей и наградить ценным подарком в виде трактора подарочного за восемь рублей из папье-маше в натуральную величину».

Есть такая притча. Идёт 1917 год. Двадцать пятое октября. Революция. В своей квартире сидит внучка декабриста. Слышит на улице шум и говорит служанке:

– Маша, выгляни, пожалуйста, на улицу, что там за шум?

Служанка выглянула, возвращается и говорит:

– Барыня, революция!

– Да?! – обрадовалась барыня. – Как хорошо! Мой дед ещё мечтал о революции! А выгляни ещё раз, спроси, что хотят, что требуют?

Служанка снова выглянула.

– Барыня, – отвечает, – хотят, чтобы не было богатых!

– Да? – разочарованно говорит барыня. – А мой дед мечтал, чтобы не было бедных...

Более семидесяти лет наши народные вахтёры борются с тем, чтобы в нашей стране не было богатых и ещё, желательно, чтобы не было умных. Вот такой идеал человека мечтают

создать.

В Сочи в пункте проката на пляже висит распоряжение: «Целые надувные матрасы выдавать только иностранным гражданам». А советским гражданам можно проколотые. Плыви, гражданин Советского Союза!

В Риге на берегу канала у самой воды стоит домик лебедей. На нём написано: «Посторонним вход воспрещён!» Кому взбредёт в голову ползти из воды в домик лебедей? Или это написано для посторонних лебедей?

Понять это всё невозможно. Ясно одно. Все эти запреты отражаются в затравленных зрачках нашего человека. И швейцар это прекрасно видит и в предвкушении следующего трёшника радостно насвистывает про себя любимую песню «Здравствуй, страна героев!». И он прав. Потому что выжить при таком количестве запретов может только герой!

Работать хочется!

Надо же, как у нас на работе хорошо! На улице дождь, осень, слякоть... А на работе тепло, сухо, уютно... Работать хочется! Вот только надо сначала чайку крепкого выпить. А то аж глаза слипаются, до чего на работе хорошо!

Розалия Львовна, и мне чайку, пожалуйста! Кстати, вчера по телевизору новости смотрели? Ещё одного работника торговли посадили. Имел дачу с бассейном, теннисными кортами, тремя павлинами и кенгуру, у которого в сумке прятал от государства наворованные деньги!

Алло? Да, это отдел. Что? Как наш отдел называется? Минуточку, сейчас спрошу. Алло?! Вы слушаете? Из специалистов никого нет. Только комсорг, культорг и профорг.

Розалия Львовна, налейте, пожалуйста, ещё чашечку. А то телефонный звонок меня совсем из рабочего состояния выбил...

Алло? Нет, Селезнёвой нет. Где-где! В универмаге за боножками стоит. Когда вышла? Да уж недели две. Не знаю, когда вернётся. Попробуйте позвонить в начале зимы. Что-что? Уже зима?!

Ой, товарищи, смотрите – и правда! За разговорами не заметили, как зима наступила. Я люблю зиму! Когда на первый снег смотрю, жутко работать хочется. Пойду только сначала перекурю, а то чаю перепился – голова ничего не сообщ-

ражает...

Здорово, мужики! Всё курите? Читали вчера в газетах, какие безобразия творятся в связи с введением антиалкогольного закона? Количество разводов в стране увеличилось в два раза! Как почему? Половина мужей на своих жён впервые трезвыми глазами взглянули!

Ну ладно, я побежал. Руки чешутся, до чего работать хочется! Вот только в столовую загляну, а то голова на голодный желудок ничего не соображает.

Ух ты, очередь какая! Настя, ты, что ли? Какая ты моло-

дец, что мне очередь заняла! Что? Ты не Настя? И меня не знаешь? Тем более молодец! Незнакомому человеку очередь заняла! Товарищи! Что вы шумите? Кто без очереди? Мне только чай взять. Я на диете. Здравствуй, Раечка. Раз ты сегодня на раздаче, дай мне сначала яйцо под майонезом, сыр, паштет, капусту, свёклу, горошек, рыбу, колбасу... Это на закуску. Теперь надо решить, что я буду есть. Товарищи, что вы опять шумите! Что? Я чай обещал взять? Рая, дай мне чай! Нет, без сахара. Вместо сахара дай борщ, зразы и скоблянку...

Всё, товарищи, ухожу, ухожу... А, Борис Юрьевич, здравствуйте! Идите скорее сюда – я вам очередь занял. Что? Вы не один? А с кем? С отделом? И сколько вас? Четырнадцать? Надо же, а я как раз на четырнадцать и занял. Идите, идите и не стесняйтесь. А то пока в такой очереди стоять будете, весна наступит... Что? Уже наступила? То-то, думаю, я так проголодался!

Игорёк, подвинься – тарелки поставить некуда. И скажи спасибо, что я сегодня на диете. Ничего есть нельзя. Кроме мясного, мучного, молочного, кислого, сладкого, солёного, твёрдого и жидкого. Новая диета! «Русская» называется. Согласно этой диете есть надо один раз в день. Но – с утра и до вечера!

Ну всё! Поел – пора за работу! Вот только ещё раз пойду курну, а то голова на сытый желудок ничего не соображает...

Ну что, мужики, всё курите? А как наш шеф на прошлой

неделе кабана убил, слышали? Ну что вы?! Выстрелил – не попал. Кабан – на него, шеф бежать. Кабан – за ним. Шеф с испугу на дерево полез, а он ведь, сами помните, центнер с гаком весит. Сук под ним обломился, он упал прямо на кабана и убил его. Сразу наповал. Тот даже хрюкнуть не успел.

А теперь, извините, мне пора за работу. Вот только на воздух на секунду выйду, а то перекурился чего-то: голова ничего не соображает.

Боже мой! До чего на улице хорошо! Листья распустились! Лето. Селезнёва, ты, что ли? Вернулась? Ну и как, достала босоножки? А чего такая грустная? Только тридцать восьмой размер достался? А тебе надо? Тридцать третий? Ну, не серчай, зимой на шерстяной носок как раз будут! Пошли скорее в отдел. А то отпуск прозеваем...

Ну что, Розалия Львовна, всё чай пьёте? Объяснительную вас не заставили писать? Меня так просто замучили ими. Я наконец не выдержал и в конце одной объяснительной приписал: «Целую». А шеф, как всегда, не прочитал и сверху резолюцию наложил: «Одобрять»...

Ну всё – пора в отпуск. Вот работёнка: целыми днями крутишься, вертишься. А оглянешься назад – и непонятно, что ты за год сделал? Одно понятно: очень быстро на такой работе жизнь пролетает...

Нас это не касается

Товарищи! Слушайте меня внимательно.

Субботник мы будем проводить с вами во вторник, потому что в субботу мы работаем по среде, которая была присоединена к прошлым праздникам. Считалось, что это было сделано по просьбам трудящихся. Поэтому сама среда считалась воскресеньем. Поскольку в воскресенье мы работали за 8 Марта прошлого года, когда все праздники были совмещены, считались Новым годом и праздновались по 23 февраля включительно. Кроме одной субботы, когда мы работали, – естественно, по просьбе тех же трудящихся. Помните, тогда ещё один наш товарищ отравился в нашей столовой, которая первой в стране перешла на безотходное производство?

Но нас это не касается. На субботнике мы будем с вами разгребать снег, который пойдёт по накладным и будет считаться как опавшая листва. Поскольку эти накладные остались у нас от неотработанного субботника шестьдесят второго года. Помните, когда его вдруг заменили на встречу высокого гостя из Индии, который ещё оказался потом высоким гостем из Канады. Но ничего страшного не произошло. Мы всё равно встречали его с флагами ГДР, которые у нас остались от встречи высокого гостя из Японии. Но тоже всё обошлось. Мы стояли не на той улице, по которой он ехал. И не в тот день, когда надо было.

Но нас это тоже не касается. На субботнике завтра по спискам нас будет тысяча двести человек. Но! Минус – начальство, общественные активисты, самодеятельность, доноры, женщины, считающие себя беременными. Словом, в субботнике будут принимать участие семь человек. Как и в прошлом субботнике. Помните, после которого мы праздновали с вами антиалкогольную свадьбу? Она ещё считалась антиалкогольной, потому что на столе не стояло ни одной бутылки водки, а все перепились пивом, которое считается безалкогольным напитком. Поэтому все запивали им самогон, который был налит в супницы, разливался по тарелкам половником и назывался куриным бульоном. Этот бульон ещё, помните, не пил только один человек. Он пил настоящий куриный бульон. Поэтому, дурачок, единственный, кто отравился...

Но нас это тем более не касается. Приказ о проведении субботника пришёл к нам сверху, но мы, поскольку у нас теперь демократия, будем считать, что проводим его по нашей инициативе снизу. Как принято считать в случае очередного подорожания продуктов – по просьбам трудящихся!

Кто «за»? Никого? Но нас это тем более не касается. Будем считать – единогласно!!!

Дорогой звонок

От метро я решил позвонить начальнику и предупредить, что проспал и поэтому опоздаю. Правда, у меня не было двушки. Но рядом был табачный киоск.

– Вас много, а я одна! – ответила большая продавщица в маленьком окошке.

Однако позвонить надо было. Поэтому, зайдя за угол, я снял пиджак, чтобы она не догадалась, что это снова я, во второй раз подошёл к киоску, протянул ей три копейки и попросил спички. Теперь она просто обязана была дать мне сдачи две копейки. Но на блюдечке в окошке вместо трёх копеек появились три коробка спичек. Спорить с ней из-за двух коробков было неудобно. Поэтому я снова зашёл за угол, причёсался на другую сторону, опять подошёл к киоску и, чтобы она меня не узнала по голосу, с мягким прибалтийским акцентом попросил ремешок для часов за два рубля девяносто восемь копеек. На этот раз расчёт мой был точным! Дать два ремешка она мне не могла, потому что я предусмотрительно протянул ей только три рубля. Но на блюдечке появился ремешок и два коробка спичек...

– Мне не нужны спички! – сказал я, от возмущения потеряв отрепетированный за углом акцент.

– А у меня больше ничего нет! – отрезала она. – Если не хотите спички, могу дать зубочистки!

Я посмотрел на часы. Время поджимало. Ладно, если у неё нет двух копеек, позвоню десятью! Быстренько отрепетировав за углом походку знакомого радикулитчика, я снова подошёл к киоску и с восточным – для внушительности – акцентом потребовал деревянный шелкунчик для орехов в виде Мефистофеля за семь рублей девяносто копеек!

Полученные десять копеек оказались гнутыми. И застряли в прорези автомата. Покупать второй шелкунчик не имело смысла, впрочем, как и первый. Поэтому, сгорбившись и хромая, я подковылял к киоску и, заикаясь, чтобы она не узнала меня по голосу, попросил большую настольную папиросницу за двадцать три рубля девяносто копеек, которая при нажатии на кнопку «пуск» сама выкидывала сигарету в рот курящему. На этот раз сдачу я получил двумя пятаками.

Следующей моей покупкой была кошёлка. Не из-за сдачи, а из-за того, что мне надо было куда-то сложить купленные мной вещи.

Потом я ещё несколько раз подходил к киоску. Однако сдачу мне давали то пятаками, то юбилейными монетами, то, наконец, леденцами, которые я терпеть не мог с детства. Оставался последний шанс. Женское янтарное кольцо за шестьдесят рублей восемьдесят восемь копеек! Как ни крути, а две или десять копеек я должен был получить! Только фантазия на акценты и походки у меня уже исчерпалась. Правда, я ещё ни разу не подходил к киоску женщиной. Когда за углом я примерял оренбургский платок и пытался

сдвинуть на лоб чёлку, ко мне подошёл милиционер.

– Гражданин! – сказал он. – Я уже давно за вами наблюдаю, и ваше поведение меня настораживает. Пройдёмте со мной в отделение!

Таким образом я очутился в вашем отделении. На этом заканчиваю свои объяснения и очень прошу вас разрешить мне позвонить с вашего телефона моему начальнику, сказать ему, что я проспал и поэтому опоздаю. Причём прошу разрешить мне сделать это срочно, потому что начальник вот-вот должен уйти из своего кабинета. Ведь рабочий день уже кончился!

Кого уволить?

Монолог начальника отдела в момент сокращения штатов

Мне в отделе кадров говорят: «Ваш отдел перенасыщен людьми, надо хотя бы одного человека сократить». А кого мне сокращать? Кулакова? Нет, извольте. Давайте разберёмся! В других отделах кто прыгает, кросс бежит, гранату кидает, плавает на приз газеты «Идём ко дну!»? Три-четыре участника группы «Здоровье» да шесть-семь женщин, которых из-за габаритов и склочного характера на финиш без очереди пропускают. А у нас? Вы этого Кулакова когда-нибудь видели? Зайдите как-нибудь, взгляните! Пиджак 68-го размера, голова 74-го. От туфель следы на снегу, как от чемодана, остаются. Нормы ГТО любому за десятку сдаёт. У нас благодаря ему весь отдел с золотыми значками «Готов к труду и обороне» ходит. Зачем мне его увольнять?

Филиппова уволить тоже глупо. Он стенгазеты к любому празднику по 27 метров длиной выпускает. Шутка ли? Первомайскую газету досрочно вывесил, к 1 апреля!

За Горяева мы в прошлом году в соревновании 65 очков получили. Он с новым начинанием выступил: «Регулярно приходите на работу! Несколько раз в день!»

Коноплянский ежегодно за весь отдел на донорских пунктах отдувается. Редчайшая кровь оказалась. Тамбовского разлива. Мы его так и зовём: донор-рецидивист!

В прошлом году хотел Кокурина уволить. А он взял и учудил. Стал победителем во всесоюзной рыбалке по подлёдному лову. Шутка ли? Изобрёл новый бур, с помощью которого в отведённое время набурил лунок в десять раз больше, чем остальные.

Симкина я ни за что уволить никому не позволю. Он экстрасенс. Зимой, когда отопление отключают, нам своё тепло передаёт...

Машенька в хоре поёт. Линькин макраме занимается. С утра до вечера вяжет. Любовь Евгеньевна – каратистка. Так что её уволить вообще ни у кого рука не поднимется. Я её теперь на подведение итогов по соцсоревнованию всегда посылаю. Она там очень удачно у начальства очки выбивает.

У Крымова отец – главный пожарник района. Уволишь, запретит чайник в отделе держать.

Руднева по звонку свыше приняли, значит, и уволить только по звонку свыше можно. Недаром его все так и зовут: «Наше позвоночное».

Полежаев к любому празднику за 25 минут 500 шариков надуть может. Незаменимый человек!

Хромов единственное в стране Общество озеленения Красного Креста возглавляет. Пока он в этом обществе один. Председатель!

А у Дронова дочка в один детский сад ходит с внучкой секретарши заместителя нашего министра. Четыре годика девочке, а уже для нашего отдела три новых ставки выбила.

Не могу же я неблагодарным по отношению к ней быть и папу её уволить...

Словом, где ни копни, куда ни сунься, а всюду есть объективные причины, почему никого увольнять мне нельзя...

Даже Максим Максимыча и то не сократишь. Конечно, он с утра до вечера только и знает, что пишет, чертит, считает. Ничего больше, сачок, не делает. Но зато на нём одном весь план нашего отдела держится.

Так что увольнять мне некого. А если хорошенько разобраться, то и не обязательно. Что я, первый раз подобное указание сверху получаю? Да если б я всех директив начальства слушался и за эти 25 лет сокращал согласно их предписаниям, у меня бы сейчас в отделе работало минус 19 человек. А у меня их как было 12, так и теперь – 28.

И все незаменимы! И каждый на своём месте!!! И все вместе дружно завтрашний юбилей встречаем – двадцатипятилетие со дня начала на нашем предприятии сокращения штатов! Поэтому лучше я к этому юбилею, как всегда, начальству аргументированную записку подам, почему никого сокращать нельзя! А всем остальным к этому празднику почётные грамоты выпишу. Кроме себя, конечно. Самому себе неудобно почётную грамоту выписывать. Поэтому сам, как и всё начальство, обойдусь премией. И ценным подарком!!!

Ставим галочку

Итак, товарищи! Подведём итоги выполнения общественных работ, взятых нашим отделом на этот год.

Первое...

В подшефном колхозе всем отделом отработали? Отработали! Ставим галочку! Теперь считаем. Бензин на автобус, который отвёз нас за 120 км и привёз обратно, – 25 рублей. Картофеля убрали на 60 рублей, съели на 140 – минус 80 рублей. 80 и 25 – это уже 105 рублей. Их мы оплатили по нашей годовой смете из графы «Командировочные». Из этой же графы выплатили за семь сломанных лопат, 13 вил, пропавших без вести, один разбитый трактор и два самосвала с сеном, утонувшие в болоте. Это 5000 рублей. Плюс убыток от невыполнения плана за день ввиду простоя всего отдела – 1200 рублей.

Итого: субботник обошёлся нам в 6305 рублей!

Второе...

«День здоровья» всем отделом с выездом на природу и вывозом туда буфета, закупленного по безналичному расчёту по годовой смете из графы «Промывка осциллографов», провели? Провели! Ставим галочку! Он обошёлся нам в 6993 рубля.

Третье...

За участие в сводном концерте нашего предприятия у нас

почётная грамота. Ставим жирную галочку! От нашего отдела в концерте участвовали: диксиленд из ресторана «Лебедь», который мы оплатили из графы «Оформление красных уголков средствами противопожарной безопасности». Это 450 рублей. Плюс наш фокусник с номером «Появление из холодильника живого попугая с криками „Я – пингвин!“». Попугая мы выменяли на Птичьем рынке на видеомагнитофон, купленный на оставшиеся средства в конце прошлого года и списанный в начале этого за брак, так как выпущен он был в конце года на нашем предприятии. Словом, попугай нам достался почти даром!

Четвёртое...

Деньги на оформление красных уголков средствами пожарной безопасности взяли из графы «Оформление люстрами нового конференц-зала». Люстры сделали сами из меди, сэкономленной от крыши нового Дворца культуры. Крышу закрыли списанными чертёжными досками, а новые доски купили за наличные деньги на материальную помощь, выписанную семерым надёжным людям. Пятеро из надёжных людей оказались ненадёжными и отказались их возвращать. Пришлось им выписать ещё по одной, чтобы отдали эти.

Словом, все последние галочки обошлись нам всего в 1450 рублей!

Итого!

В этом году на выполнение общественных нагрузок нами было истрчено 17 143 рубля, что на 5637 рублей мень-

ше, чем нами было истрачено на выполнение тех же общественных нагрузок в прошлом году. А значит, нами выполнен также последний пункт наших обязательств под названием «Экономия внештатных фондов нашего предприятия»! А значит, что? Ставим самую жирную галочку!

Характеристика

– Вы ко мне? – спросил начальник лаборатории.

– Видите ли... Я в другой отдел перехожу, – замаялся я, – мне характеристика нужна!

– В чём же дело? – удивился начальник. – Пишите, печатайте – я подпишу!

– То есть как? – не понял я. – Сам на себя?

– Эта характеристика кому нужна: мне или вам?

– Да, но...

– А если не знаете, как писать, то посмотрите у кого-нибудь. Образец, наконец, возьмите у секретарши...

От начальника я вышел возмущённый. Образец!!! Получается, что я такой же, как все?! Ну уж дудки! Когда благодаря моим стенгазетам отдел раз пять по производственным показателям вперёд вырывался, так никто не думал! Вот и напишу правду. «За годы работы инженером зарекомендовал себя талантливым художником!» Нет, неправильно. Вроде как все эти годы не своим делом занимался. Лучше просто – «талантливым человеком». Тоже нет. В новом отделе скажут: «Нам человек не нужен, а нужен инженер». Похитрее надо... «За годы работы инженером... ну, скажем, так... активно участвовал в общественной жизни лаборатории». Вот это здорово! И эффектно, и правда, в конце концов... Вон с Люсей три года дружил! И не просто дружил, а по-насто-

ящему. Настоящий друг потому что! А потом два года ещё с Ольгой, год – с Валеё, полгода – с Настей... Так и напишем! «Пользуется большим... этим, как его... не спросом, а... уважением», – вот! Нет, лучше – авторитетом! Где? В коллективе! И доверием! Недаром мне всегда первому доверяют за столом шампанским шлёпнуть. А как недавно по радио песню по моей заявке передавали! И не что-нибудь лёгонькое, а «Зачем вы, девочки, красивых любите?...» Морально устойчив потому что! Не говоря уж о том, что политически грамотен: даже во время перекура «Забота у нас такая...» насвистываю...

– Ну вот и отлично! – сказал начальник лаборатории, подписывая мою характеристику. – Сразу видно, что своя голова на плечах есть. Другие образец вместе с фамилией «Иванов» переписывают, а вы свою поставили! Молодец! Желаю, чтобы вы и на новой работе себя так же грамотно зарекомендовали!

Лапа

Сначала всё шло хорошо. На первом курсе я учился так плохо, что в деканате решили пойти на хитрость и сделали меня старостой. «Может, хоть это заставит его почувствовать ответственность за свою учёбу!» – сказал начальник курса. «Похоже, что у него где-то есть „лапа“!» – решили однокурсники. Слухи дошли до деканата. «Тем более мы поступили правильно!» – утвердилась в своём мнении администрация. Но она ошиблась.

С моим назначением старостой я стал учиться ещё хуже, а вся наша группа стала учиться ещё хуже меня. Тогда меня сняли с поста старосты, а чтобы не обидеть «лапу», выбрали профоргом.

При всём моем таланте заваливать любое дело, работу профорга я завалить не мог, потому что нельзя завалить то, чего не было...

Моё философское безделье в течение трёх лет на этом посту очень понравилось председателю профбюро нашего факультета. Как я узнал позже, он тогда обо мне сказал: «Хоть и дурак, а без инициативы!» И я стал его замом. Но и он ошибся. Очень скоро все поняли, что замом быть я не могу, так как не умею ничего делать. А могу только быть самим председателем. Снова выплыл слухок о «лапе», которую уже начинали уважать. Так что председателем я проработал недолго.

Через полгода декан сказал: «Я видеть его больше не могу на нашем факультете!» Но как человек неглупый понял, что у него только два способа избавиться от меня: подать самому в отставку или перекинуть меня куда-нибудь с повышением. Боясь за первое, он так настойчиво требовал второго, что все призадумались: «А „лапа“-то, видать, у него здоровая и волосатая!»

Чтобы пустить под гору работу всего месткома, пришлось пойти на крайние меры и сменить репутацию дурака без инициативы на репутацию дурака с инициативой. «Страшный человек!» – сказал ректор и лично взялся избавиться от меня институт. Он пробил мне место в горькоме профсоюзов. Теперь мне стали приписываться уже самые видные в стра-

не знакомства. Поэтому, когда я на новом месте быстренько наломал дров, мне тут же дали отдел в ВЦСПС. Теперь у меня свой кабинет, две секретарши, три телефона: местный, городской и прямой.

А «лапу» все называли уже вполне конкретно и только шёпотом. Честно говоря, я думал, что на этом моя карьера закончилась, потому что наступило время такого застоя, что заваливать было уже нечего.

Но, слава богу, объявили перестройку, и мне поручено быть проводником её идей в жизнь. Так что скоро, чувствую, снова пойду на повышение.

Серьёзное дело

Рано утром нас, заведующих отделами, срочно вызвал к себе Главный.

– Я только что оттуда! – Он многозначительно указал пальцем вверх. – Дело чрезвычайно серьёзное. Слишком много у нас стало показухи. Немедленно начинаем с ней борьбу.

Он немного помолчал, потом добавил:

– У нас на предприятии есть одна путёвка вокруг Африки за полцены. Начальник отдела, который предложит самую действенную программу борьбы с показухой, будет ею отмечен.

Вернувшись в отдел, я сразу собрал всех сотрудников и строго сказал:

– Немедленно прекращаем работу и начинаем борьбу с показухой. Какие будут предложения?

– Ну, прежде всего, надо выпустить стенгазету с карикатурами на отъявленнейших показушников и с вашей статьёй, – сказал Рыбинский.

– Хорошо, – одобрил я. – Если к завтрашнему дню сделаете, получите отгул к отпуску.

– Конечно, сделаю, – обрадовался Рыбинский. – Вопрос только в том, кто напишет вашу статью.

– Я напишу, – предложил Краснов. – Но за два отгула.

– Почему? – удивился я.

– У вас очень трудный слог.

– Ладно, – с неохотой согласился я.

– В таком случае я на тех же условиях могу в эту газету написать стихи, – сказала Люба.

– Ты же пишешь только стихи о любви, – съязвил кто-то.

– Вот и напишу о любви к борьбе с показухой!

– Товарищи! – перебил вдруг всех наш профорг Суровцев. – Это всё мелко и местечково. Вы столько времени обсуждаете какую-то одну жалкую стенгазету. В то время как борьба с показухой – дело серьёзное! И бороться с ней надо крупномасштабно. Одной стенгазетой здесь никак не обойтись. Предлагаю оформить весь коридор: поставить стенды, повесить транспаранты... Могу возглавить группу оформления. Но мне отгул не нужен.

– А что вам нужно?

– Мне нужно на лето куда-нибудь жену свою отправить.

– И мне нужно жену на лето отправить, – подхватил Семён Михайлович. – А у меня предложение не хуже. В нашем отделе есть молодые – Вика и Серёжа... Видите: они покраснели? Все мы знаем, что у них скоро свадьба. Предлагаю провести её без всякой показухи.

– Это как? – удивился я.

– Проще простого! Никакого стола. Все приходят на свадьбу в рабочих костюмах. Вместо «горько» выкрикиваем призывы к борьбе с показухой. А главное, приглашаем теле-

видение. Они такую свадьбу с удовольствием снимут. Им за это всем премию дадут.

– А молодые согласны? – спросил я.

– Согласны! – хором ответили молодые. – Только освободите нас за это от дежурств в дружине во время нашего медового месяца.

– Товарищи! – снова перебил всех профорг. – Свадьба – это, конечно, оригинально. Новая традиция. Мы сразу обгоним все отделы. Но согласитесь – всего на один раз. А борьба с показухой – дело настолько серьёзное, что требует фундаментального разворота во времени! Предлагаю объявить месяц по борьбе с показухой. Причём завершить его досрочно. Дней за пятнадцать. Таким образом, за месяц мы сможем провести два месячника! А поскольку мы их уже научимся проводить за этот месяц, то в следующем проведём три, в следующем – четыре... К концу года ни у одного отдела не наберётся такого количества человеко-месячников!

Предложения сыпались со всех сторон.

Во время обеденного перерыва я написал заявление на путёвку вокруг Африки. А после обеда мы снова собрались у Главного. Все были довольны. И с заявлениями. Но особенно был доволен Главный. Он еле успевал за нами записывать. Кто-то предложил организовать поезд дружбы, кто-то – подшефную работу в колхозе, кто-то уже объявил набор в специальные добровольные отряды дружинников, которые останавливали бы на улицах людей и спрашивали, что они сдела-

ли в борьбе с показухой. И если ничего не сделали, то штрафовали. Причём штрафовать в зависимости от того, насколько они ничего не сделали. А если сделали, выдавать справку, чтобы их больше не штрафовали. Таким образом, со временем у нас не останется ни одного человека, который бы не внёс свой вклад в дело борьбы с показухой!

После обеда Главный уехал с нашими предложениями в главк. А на следующий день к нам прислали нового Главного. Мы все выстроились у парадного входа на предприятие с цветами, ковром и пальмой, с которой всё утро стряхивали пыль, привязывали к веткам опавшие листья и красили их в свежий зелёный цвет. Однако новый Главный почему-то не подъехал на машине к парадному входу, а пришёл пешком и зашёл с чёрного хода. Потом подкрался к нам сзади и так рывкнул, что сразу четверо уронили пальму себе на ноги. В общем, не знаю я, где он раньше работал. Всякое говорят. Но через пять минут мы все сидели на своих рабочих местах и работали.

Оказалось, борьба с показухой был розыгрыш главка. Там сказали: «Уволим тех, кто даже при борьбе с показухой разведёт нам показуху!» Наш Главный попался первым. После него было уволено ещё несколько главных. Но самое страшное, что наш новый Главный после работы снова собрал нас и сказал:

– То был розыгрыш, а теперь начинается настоящая борьба с настоящей показухой!

После этого собрания я вернулся к себе в отдел, заперся в своём кабинете, но уже через несколько минут понял, что я ничего не понимаю.

«Наверное, стар стал!» – решил я, порвал заявление на путёвку, достал чистый лист бумаги и стал писать заявление об уходе на пенсию.

Во имя канвы

Сразу после спектакля режиссёр собрал актёров и спросил:

– Как получается, что в нашем новом спектакле опять не прослеживается главная тема?

– Из-за Шкапенко! – раздалось тут же несколько голосов.

– Разрешите мне? – попросил старейший актёр театра. – Дело в том, что Шкапенко каждый раз уходит со сцены под аплодисменты зала. Это безобразие! Он же разрушает канву спектакля! Я, конечно, понимаю, что Шкапенко играет свою роль ярко, самобытно и интересно. Но и он должен понять, что главное – это спектакль в целом, а не его роль. Тем более что она у него эпизодическая. Я бы даже сказал, второстепенная. А если вдуматься, то вообще лишняя...

– Да сколько можно об этом говорить? – перебила его актриса с тридцатилетним стажем травести. – На каждом собрании мы говорим о том, что Шкапенко смещает акценты всех наших спектаклей. И что портит своей, как вы выражаетесь, яркой и самобытной игрой наши постановки. Пора, наконец, принимать меры, товарищи! Предлагаю поставить ему на вид!

– Верно! – поддержал её подающий надежды пожилой актёр. – А то что же получается? Например, детский спектакль «Ни бэ, ни мэ». Я работаю волка, Агнесса Пална – козу. И

вдруг... в самый узловой момент, понимаете ли, когда я должен её съесть, все зрители смотрят на массовку, где Шкапенко танцует пятого сорняка, потому что у него, видите ли, отличная пластика. В результате никто не видит, как я её съедаю! Так же нельзя, товарищи! Агнесса Пална – уважаемый всеми человек. Сколько лет на сцене! Она эту роль ещё до войны играла. К тому же сама по себе сцена не из лёгких. Ведь чтобы зритель поверил в то, что сейчас я съем Агнессу, я сам должен сначала захотеть её съесть. А это, как вы понимаете, не так легко сделать... Всё-таки она эту роль ещё до Русско-японской войны играла.

– Товарищи, да Шкапенко над нами просто издевается! – взял слово молодой, но тоже уже порядочно талантливый актёр. – Он считает, что у нас провинциальный театр. Да, у нас провинциальный театр! Но у нас великие цели! Воспитание человека будущего, слияние города и деревни и другие не менее важные проблемы современности. Сможем ли мы справиться с этими задачами? Сможем! Но только в том случае, если не будем рвать чётко выстроенной канвы спектакля! Поэтому во имя идеи предлагаю снять Шкапенко со всех ролей и отдать их более надёжным исполнителям.

– Верно! – раздались голоса. – Хватит канву разрушать да акценты смещать! Уволить его! Чего там... У нас средний театр, но высокие цели!

– Тихо! Тихо! – успокоил всех режиссёр. – Товарищи! Хотя я и согласен со всем, что здесь говорилось, и, мало того,

сам неоднократно просил Шкапенко – во имя идеи, конечно, – играть свои роли побледнее, я бы даже сказал, чуть посерее, но всё-таки считаю, что исключение есть слишком суровая мера для начинающего актёра. По-моему, лучше пускай Шкапенко напишет «по собственному».

С тех пор прошло много лет. Теперь Шкапенко работает педагогом актёрского мастерства в театральном училище одного провинциального города. Когда молодые актёры показывают ему свои этюды, он обычно им говорит:

– Хорошо! Талантливо! Но поскромнее надо – так не принято! – На этих словах педагог с грустью задумывается о чём-то и добавляет: – Ведь главное в актёре как в жизни, так и на сцене – это скромность! Поймите это...

Недавно, когда Шкапенко провожали на пенсию, директор училища сказал:

– Товарищи! Перед нами человек, который никогда не играл Гамлета и которому никогда не рукоплескал зал, но который всю свою трудовую жизнь отдал во имя идеи!

Когда Шкапенко вышел на сцену, раздались аплодисменты. И хотя непонятно было, кому аплодируют – ему или директору, – Шкапенко всё-таки вспомнилась его любимая роль... пятого сорняка!

Домик в тайге

Ответственным за выставку молодых художников в редакции журнала назначили редактора отдела прозы.

Первым к нему вошёл молодой художник, который ещё никогда не выставлялся. Недавно он вернулся из поездки по Сибири и поэтому принёс картину, навеянную воспоминаниями о путешествии, – «Домик в тайге».

Редактор долго смотрел на картину, потом сказал:

– Хорошо! Талантливо! Чувствуется, что вы владеете кистью. Но много. Надо сокращать!!! Тайга, сопки, листочки, ягодки... Было! Всё это тысячу раз было и давно уже никого не интересуется. А вот домик в тайге – это хорошо. Свежо! Его и оставим!

С этими словами редактор взял ножницы и со всех сторон обрезал полотно.

– Смотрите, как заиграл теперь ваш домик, – сказал он, – когда ничто не отвлекает нас от главной мысли. Запомните! В одном произведении должно быть не более одной мысли. Закон Якобсона. Тем более если произведение такого малого формата, как мы только что с вами установили. Но пойдём дальше.

Охотник, выходящий на крыльцо на мороз, и милое женское личико, провожающее его взглядом из окна, из тепла и уюта. Это плохо, слюняво, сопливо. А главное, опять-таки

было...

Редактор взял красный карандаш с толстым, как обрубленный бульдожий хвост, грифелем и жирным крестом перечеркнул её печальное лицо.

– Вот так, – сказал он. – Не более одной мысли. Это важно. Осталось что? Правильно. Найти эту мысль. Видите ли, – обратился он к автору, – сейчас ваш домик – нечто абстрактное, висящее в воздухе. А между прочим, в стране столько ударных строек. Молодёжь повсюду охвачена энтузиазмом! Нехорошо проходить мимо такого явления.

Редактор взял кисть, и через минуту над входом в домик появился красочный плакат «Здесь будет ГЭС!».

– Вот, – обрадовался он, – другое дело. И динамика увеличилась, и передний план заиграл. И даже интрига появилась. Мол, в лесу – и вдруг ГЭС! Этим вы как бы хотите сказать, что нашей молодёжи всё под силу. И ГЭС в лесу без реки построить, и судостроительный завод в Каракумах! Учтите, вы – молодой художник, поэтому должны сразу же заявить о себе как о человеке, поднимающем серьёзные проблемы. Так, что теперь? Теперь вроде можно перейти и к герою произведения. Почему он у вас с ружьём? Охотник? Какие могут быть охотники на ударной стройке? За кем он там охотится? На кого вы намекаете? Нет уж. Сделайте его лучше рабочим, каменщиком, простым героем труда. Это же очень просто: вместо ружья – мастерок, вместо головы – каска. Да приоденьте его поприличнее. Вы видели когда-нибудь, как

одеваются на ударных стройках? Съездите в командировку, посмотрите. Заодно и сами приоденетесь... Стоп! А это ещё что такое?

Редактор присмотрелся к лицу охотника-каменщика и скovyрнул ногтем краску с его носа.

– Это не надо, – сказал он. – Это лишнее. И так всем ясно, что на этом месте у него нос. Не надо разжёвывать детали. Они лишь затягивают действие. И потом – это несовременно. Словом, давайте, крутите, вертите, дорабатывайте – должно получиться. По-моему, у вас есть способности.

От редактора молодой художник вышел с радостно бьющимся сердцем. Скоро его картина впервые появится на настоящей выставке!

«Это ничего, что всё переменили, – думал он. – Зато редактор сказал, что я способный. А значит, могу стать известным художником. И вот тогда. Вот тогда я никому уже не позволю вмешиваться в моё творчество».

Счастливый, он вернулся домой и решил тут же взяться за переделки. Развернул картину, увидел поставленный на ней крест и с грустью подумал: «Эх, вернуться бы туда навсегда! Да к выставке готовиться надо. А это сейчас важнее всего».

Петля

Осенило, сел, набросал – понравилось!

Додумал, дописал, докрутил, дожал, перечитал – не понравилось!

Убрал, урезал, ужал – читать противно! Отложил, улеглось, успокоилось, вынул, перекроил, напечатал, перечитал – замечательно!

Исправил ошибки, отнёс в редакцию – не понравилось!

Вернули!!!

Обиделся, ушёл, пришёл, переделал, порезал, добавил, убрал, сузил, расширил, дожал, дотянул, перепечатал, исправил ошибки, перечитал – отвратительно!

Отнёс в редакцию – понравилось!

Взяли!!!

Исправили ошибки, перекроили, добавили, сузили, набрали, не умещалось, обрезали – напечатали!

Не узнал!!!

Рассердился, разгневался, раскричался – решил уйти из литературы!

Позвонили друзья, похвалили – решил вернуться в литературу!

Принесли гонорар – решил остаться в литературе!

Осенило...

Слава

Молодой, никому не известный писатель Тюнькин разделся, сложил на берегу вещи с паспортом, чтобы не остаться безымянным, и бросился в воду. С тех пор его никто не видел. Зато весть о том, как трагически погиб начинающий гений, живо облетела сначала литературные круги, потом – прилитературные...

Уже через два месяца его рассказы наперебой стали печатать во всех журналах. Когда рассказы кончились, критики нашли письма, фразы, записки, телефонные разговоры... Не оказались равнодушными к его творчеству и кино с опереттой. В компаниях интеллектуалы говорили только о гении Тюнькина. Многие рассказывали подробности его трагической жизни. Причём рассказывали так подробно, что сами со временем начинали верить в то, что были знакомы с ним.

На торжественном заседании его посмертно приняли в Союз писателей и даже хотели выдать путёвку на лето в Коктебель, но вовремя опомнились и решили ограничиться бюстом, который известный скульптор лепил по рассказам редактора.

«Молодой, подающий надежды писатель Тюнькин перевёрнул ещё одну страничку в истории нашей современной литературы, – читал предисловие к рассказам Тюнькина старший матрос Шпунькин, он же урождённый Тюнькин. –

И мы рады, что именно наш журнал открыл этот недюжинный талант. Именно к нам в редакцию впервые принёс свои рассказы этот неприметный на первый взгляд маленький человек с большой буквы...»

Шпунькин отложил журнал и вспомнил, как редактор впервые принял его у себя.

– Ваши рассказы хороши, – сказал он тогда, – но в них мало мяса. А современный читатель особенно любит мясо. Вот вы, например, любите мясо?

– Очень люблю! – признался Тюнькин. – Но где же его взять в наше время?

– Писатель должен уметь находить мясо везде! На то он и писатель! – заключил редактор. – Так что ищите, добавляйте и приносите!

Насколько мог, Тюнькин добавил в свои рассказы мяса и снова пришёл в редакцию.

– Вот! Это уже совсем другое дело! Правда, мясо у вас какое-то несвежее... Я бы сказал – вчерашнее, – заметил редактор, – да и скелет теперь за ним совсем не виден. Надо бы его дотянуть до уровня мяса.

Когда в следующий раз Тюнькин принёс полную гармонию мяса и скелета, тот сказал:

– Конечно, это уже лучше... Но! Не о том вы пишете, товарищ Тюнькин! Попробуйте писать точно так же, но о чём-нибудь другом. В общем, крутите, вертите, дожимайте, приносите...

С тех пор редактор отсылал его много раз: убрать запашок, глубже копать, мельче плавать.

Тогда-то ему, Тюнькину, и пришла в голову шальная мысль! Теперь его имя знает весь мир!

Шпунькин перечёл в журнале свой рассказ. Эх, если бы он писал его сейчас, после того, как поработал матросом и повидал полмира! Какими бы новыми, свежими красками заиграл он! Но открываться было нельзя. Да и не поверят. Зато теперь он знает силу своего творчества, которое признано во всем мире! А в столе лежали папки с новыми рассказами. «Ну что же, начнём всё сначала!» – решил Шпунькин и отправился в редакцию.

Как и три года назад, редактор встретил его на бегу.

– Бегу, бегу, бегу... – бросил он через плечо. – Сначала номер сдаём, потом похороны, потом торжественное... Оставляйте, ответ пришлём по почте.

За те годы, что они не виделись, редактор сильно изменился. Благодаря открытию гения Тюнькина он и сам теперь стал знаменитостью: закурил трубку, купил замшевый

пиджак. После чего его сразу сделали заведующим отделом прозы имени Тюнькина!

Остальные полмира успел повидать старший матрос Шпунькин, пока ему из редакции пришёл ответ: «Уважаемый товарищ Шпунькин! К сожалению, все ваши рассказы есть неумелое подражание известному писателю Тюнькину. Однако вы уступаете ему не только в скелете, но и в мясе произведения. Вам надо ещё немало поработать над собой, над словом, понаблюдать жизнь, а также серьёзно подумать, стоит ли вам писать вообще. С приветом, редакция».

«С приветом!» – усмехнулся Шпунькин, перечёл ответ, оделся, взял с собой папку с рассказами, паспорт и привычным путём отправился на берег городского канала...

Самоучитель для желающих написать современную пьесу

Допустим, однажды осенним грустным утром вам захотелось написать пьесу на современную тему. Не отчаивайтесь и смело беритесь за дело. Сначала пойдите в магазин и купите всё необходимое: ручку, бумагу и микрокалькулятор. Вернувшись домой, сядьте за стол, бумагу положите перед собой, ручку возьмите в ту руку, которой быстрее пишете, и начинайте! Да! Микрокалькулятор поставьте справа, чуть поодаль, так, чтобы он не мешал пишущей руке. Писать придётся долго. Часа два-три...

Некоторые начинающие драматурги ошибочно полагают, что перед тем, как начать писать, надо немного подумать. Это неправильно. Думать не надо. Надо писать. Причём начинать писать пьесу советуем всегда с её названия. Запомните! Называть пьесу надо так, чтобы её сразу приняли у вас на читку в любой театр! То есть эффектно, интригующе, оптимистически и совсем хорошо, если с намёком на несчастный случай. Например, если ваша пьеса будет из жизни строителей, то хорошо назвать её, скажем, так: «Не стой под стрелой!» Некоторые захотят это название продолжить, мол: «Не вернёшься домой!» Но этого делать не следует. Это и так всем ясно. Учтите, в наше время все так научились читать между строк, что порой забывают читать даже сами строки...

Многие из вас удивятся: почему именно о строительстве? Ведь можно написать, скажем, о моряках-подводниках или о пожарниках-высотниках. Не советуем. Только опытный и известный уже драматург может позволить себе писать о том, чего не знает. А в медицине, искусстве и строительстве в наше время разбираются все...

Далее... Если вы хотите, чтобы вашу пьесу не только приняли на читку, но ещё и прочли, никогда не пишите под названием старомодное слово «драма». Это давно уже считается плохим тоном. Гораздо профессиональнее и современнее будет, если жанр, в котором будете творить, вы определите сами. Например, «лирико-производственная эпопея в двух действиях с прологом, эпилогом и апофеозом». Учтите, тремя действиями вы рискуете надоест современному зрителю. А одним – лишаете его единственного удовольствия на вашей премьере: в перерыве обсудить фотографии артистов в фойе...

Ну вот. Теперь, когда вашу пьесу вроде бы приняли на читку и даже прочли, осталось совсем немного: заставить принять её к постановке и... написать. Ну, с первым справиться легко. Для этого достаточно неназойливо, этак вроде бы даже случайно, в скобочках приписать, мол, столетие со дня первого разведения цемента водой посвящается! Помните! Даже если ваша пьеса будет очень плоха, с такой припиской её всё равно когда-нибудь поставят. Ведь рано или поздно эта годовщина наступит, и тогда все театры

обязаны будут её отпраздновать своими новыми постановками.

Непосредственно с самой пьесой справиться будет гораздо труднее. Выбор героя, героини, исходного события, конфликтной ситуации... Вот тут-то вам и понадобится микрокалькулятор. Сразу дайте ему про себя имя «Муза-1». «1» – потому что это ваше первое произведение, а «Муза» – вот почему...

Если вы возьмёте даже самый маленький театр в вашем городе и количество мест в ряду умножите на число рядов в зале, потом полученную цифру ещё раз умножите на среднюю стоимость билета, а от этого произведения возьмёте пять процентов, то получите те авторские, которые пойдут вам с каждого спектакля помимо гонорара. Не сомневайтесь, эта цифра вас так вдохновит, что дальше всё пойдёт как по писаному...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.